

The background of the entire page is a repeating pattern of red roses on black branches with green leaves. The roses are stylized with white outlines and are scattered across the page. The branches are thin and curved, with small, pointed leaves.

В. Ф. Власов

Охота на бесов

Мудрость даосов. Книга 13

12+

Владимир Власов

Охота на бесов

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Власов В. Ф.

Охота на бесов / В. Ф. Власов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Чудеса в нашей жизни случаются часто, но порой мы их просто не замечаем, потому что, чтобы их видеть, нужно перестроить своё сознание, как это пытался сделать герой рассказа «Неудавшееся превращение», пытаясь обрести бессмертие, и чему помешали его земные привязанности – любовь к семье. Для того, чтобы стать даосом, нужно много претерпеть, но в нашей жизни и так хватает разных чудес, если научиться их замечать, как это делали древние мудрецы, рассказы которых представлены читателю в авторском стихотворном переводе.

Содержание

Рассказы даосских мудрецов о необычном	5
1. Неудавшееся превращение Ду Ци-чуня	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Рассказы даосских мудрецов о необычном

1. Неудавшееся превращение Ду Ци-чуня

(Из историй времён династии Тан)

Жил Ду Ци-чунь давно ещё в конце шестого века
Во времена Чжоу (1) и Суй династий двух правленья,
И не было тогда беспутнейшего человека,
Чем он, который мотом везде слыл, на удивленье.
Не думал он совсем о всех своих чувств подавленье,
Напротив, жаден был до пьянок и всех удовольствий,
И не заботился о своих средств приумноженье,
Не ведал цен вещей всех, состоянья, продовольствия.
В конце концов его возможности все исчерпались,
Он с родственниками как-то попробовал сдружиться,
Но те с ним отношения установить гнушались,
И вот возможность потерял он, чем-либо разжиться.
Однажды он зимой с пустым желудком в куртке рваной
В Чанъань пришёл и понял, что приблизилась кончина.
И голод с холодом его смерти стаёт причиной,
Застыл он у ворот восточных рынка (2) в позе странной.
С протянутой рукой смотрел на небо в ожиданье
Своей минуты, роковой, и стон издал протяжный.
И вот, уж перед тем, как потерять своё сознанье,
Пред ним возник старик вдруг в момент жизни его важный,
Спросил его: «Ты почему так стонешь обречённо»?
Ду рассказал ему о всём, что в его жизни было,
Что куча родственников всех в нужде его забыла,
И в этом мире потерял он счастье, отречённый.
Старик его спросил: «А нужно тебе денег сколько»?
– «Ну, тысяч тридцать или пятьдесят, богатым стану», -
Ответил он. Старик, смеясь, спросил его: «И только?
Такую сумму денег я тебе легко достану».
– «Сто тысяч», – Ду сказал. Ответил старец: «Это мало».
– «Тогда миллион, нет три миллиона лучше дайте».
– «Вот это – деньги! Ты богатым будешь небывало, -
Сказал старик, дал кошелёк, сказав, – не забывайте,
И завтра в полдень в лавку перса здесь же приходите,
Получите три миллиона и всех уваженье,
Распоряжаться ими будете вы, как хотите,
И к вашей жизни не появится пренебреженья».
В назначенное время Ду обрёл три миллиона,
Старик же, передав те деньги, вдруг исчез мгновенно.
От радости Ду объявил, что скупость – вне закона,
Что должен жить он, как и раньше жил, обыкновенно.
Теперь богат он был, привычки прежние вернулись,

Он верил, никогда не будет больше он бездомным,
Поднял свой статус, все пришли, кто раньше отвернулись,
При них он обладал вновь состоянием огромным.
Возникло снова общество из пьяниц, музыкантов,
Прекрасных дев, которые его дом посещали,
Где веселились средь певцов, умов, больших талантов,
Вино у них лилось рекой, границ ни в чём не знали.
Он вновь не думал, как добыть средства существованья,
А через года два вдруг наступило истощенье,
Он одеваться проще стал, продав все одеянья,
Без прежнего обеда проходили пресыщенья.
Потом продал он лошадь, заменив её ослицей,
А вскоре и пешком стал совершать свои прогулки,
И избегали уж его знакомые в столице,
Открыто не ходил, предпочитая переулки.
Настал момент, когда он у врат рынка оказался,
И вновь, как прежде, нищим стал просить там подаянье.
Вновь тяжело застонал от голода, не удержался,
Опять старик предстал пред ним, и в том же одеянье,
Спросил его: «Вы вновь, я вижу, в том же положенье,
И вновь я должен дать вам денег, чтоб вы жили»?
Ду промолчал тут, был в смущении и в огорченье,
Старик настаивать стал, ведь они теперь дружили.
– «Вы в полдень приходите, где было свиданье», -
Сказал старик. Ду подавил свой стыд, своё смущенье,
И десять миллионов получил на содержанье,
Но за два года прожил всё, как раньше, в расточенье.
Потом в четвёртый раз с бессмертным встретился он, нищем,
Увидев же, закрыл глаза, желая удалиться,
Так как опять просил с протянутой рукою пищу,
Когда ж тот удержал его, решил он повиниться.
Но прежде чем сказал он, старец тридцать миллионов
Ему вручил, сказав: «Как жаль, что вы таким родились,
Деньгами, что давал вам, плохо вы распорядились,
И если не поможет, бедность станет вам законом».
Подумал Ду: «Я расточительный вёл образ жизни,
Все родственники от меня бегут, как от заразы,
И только старец помогал деньгами мне три раза,
Так, может, мне подумать о других и об отчизне».
Затем сказал: «Могу начать я с этими деньгами
Какое-либо дело, что всем людям будет нужно,
Создам приют для вдов, сирот, где жить все будут дружно,
Моральный долг исполню, установленный богами.
За вашу милость я признателен вам, и считаю,
Что должен я трудом всё оплатить, что вы давали».
Старик сказал: «На это я всё сердцем уповаю,
И буду рад чрезмерно, если б вы таким и стали.
И если вам удастся это в жизни всё устроить,
То научу вас, как бессмертным стать и сохраниться,

Смогли бы если этим свои страсти успокоить,
То можете даосом стать и в вечности продлиться.
А через год на фестиваль в Чжон-юань (3) приходите,
Где буду я у можжевельника за всех молиться
С великим предком Лао-цзы (4), вы там меня найдите,
И сможете со мной в бессмертные преобразиться».
Купил Ду Цзи-чунь землю и построил на ней зданья,
Разбил сады меж ними, всё прекрасно обустроил,
Собрал вокруг вдов и сирот, их окружил вниманьем,
И, наконец, разнузданность свою он успокоил.
А через год пришёл он к старцу, как договорились,
Сидел в тени тот можжевельника, играл на цине,
Поднялись на гору Юньтай (5), где аисты водились,
Где было чисто, пагода стояла на вершине.
Там чан имелся для приготовления эликсира,
Горел огонь, вздымался восемь чи аж высотой,
Стояло девять девушек с цветами из сапфира
В накидках светло-синих, говорили меж собою.
А спереди и сзади – дракон синий, тигр белый (6).
Старик пред ним вдруг неожиданно преобразился,
В накидке жёлтой, с кубком белым, с камнем появился,
И преподнёс ему вина, закуской – камень целый.
Ду никогда не ел камней (7) и очень удивился,
Отпил вина, а к камню лишь притронулся губами,
Затем он обществу и старцу дважды поклонился,
И сел на лавку рядом, что стояла вверх ногами.
Лицом сидел он на восток, мудрец сказал негромко:
– «Сейчас должны вы соблюдать здесь полное молчанье,
Что не происходило бы, ведь это – мира кромка,
Где всё – не как у вас, и выглядит необычайно,
Где будут духи, бесы и родные на том свете,
Их будут мучать, но должны спокойным вы остаться,
Ни слова не произносить, ложь – картины эти,
Должны хранить невозмутимость, ада не бояться».
Сказав всё это, он исчез. Тогда в одно мгновенье
Наполнился у пагоды двор разным шумным людом,
Все говорили что-то громко, все были в волненье,
Затем люди в военном появились отовсюду.
Средь них был генерал и выглядел довольно грозно,
Когда он в пагоду вошёл, увидел Ду, сидящим,
Спросил его: «Что делаешь ты здесь с видом серьёзным?
Кто ты такой»? Но Ду прикинулся неговорящими.
Тут генерал из ножен вынул меч и зло воскликнул:
– «Скажи, ты кто, а то я зарублю тебя на месте,
Но Ду молчал, и генерал солдат своих тут кликнул,
Сказав: «А этого сварите со зверями вместе»!
Поволокли те Ду во двор и в чан тот опустили,
Но Ду всё продолжал молчать и не сказал ни слова.
Раздался гром и блики молний двор весь осветили,

Ду потерял сознание, но в себя пришёл вдруг снова.
Тот генерал опять стоял пред ним, меч потрясая,
Кричал: «Скажи, кто ты, и сделаю тебя свободным!»
Но Ду молчал, тут генерал, солдата подзывая,
Сказал; «Казнить его жену на сборище народном»!
И привели его жену, поставив на колени,
Сказав, что голову ей отсекут, если не скажет
Он что-либо, своим молчаньем он её накажет.
Глаза её печальные, а под глазами – тени,
От страха вся дрожала женщина, смотря с мольбою,
И голосом Ду, очень жалобным, так говорила:
– «На свете ближе связей нет меж мужем и женою,
Уж десять лет, как я любила вас, боготворила.
Ничтожная я женщина и от стыда сгораю,
И сил уж не осталось все переживать мученья,
Одно скажите слово лишь, на вас я уповаю,
Спасите, защитите, проявите снисхожденье».
Но Ду остался нем, как бы её тут не пытали,
Он знал, что словом бы нарушил здесь обет молчанья,
Когда от её тела по кусочку отрезали,
Закрыв глаза он, чтоб не обращать на всё вниманье.
– «Плут этот, демоническими свойствами владеет, -
Сказал тут генерал, – я не хочу, чтоб оставался
На этом свете он, где все богатства он имеет,
Пытать его до смерти, чтоб он в чём-либо признался».
Когда же к Яньло-вану (8) душу Ду препроводили,
Сказал тот: «Этот демон пойман на Юньтай вершине,
Это о нём так много на земле все говорили,
Поить его расплавленным свинцом, держать в кувшине,
Хлестать железом, чтоб до порошка он истолокся,
Огнём сжечь, кости бросить в кислоту из купороса,
Поверил сердцем всем речам он одного даоса,
Его ученьем о бессмертии своём увлёкся».
При пытках и мученьях всех он не издал ни звука,
Когда царь понял, что от Ду ни слова не добиться,
Сказал, решив, что здесь беспомощна его наука:
– «Мужчиной не достоин жить, пусть женщиной родиться».
И вот родился женщиной Ду, и весьма красивой,
Но продолжал молчать, здоровьем обладал неважным,
Болел и часто боли были так невыносимы,
Что мочи не было терпеть, но он терпел отважно.
Когда вскоре подрос и стал прекрасною девицей
Семья немой её из-за молчания считала.
Никто брать в жёны знатный не хотел её в столице,
Она не говорила, но книг много прочитала.
В селе жил кандидат Лу Гуй, был очень образован,
Услышав о красавице, решил увидеть лично,
И сразу, как увидел, красотой был очарован,
Взял её в жёны и увёз из суеты столичной,

Сказав: «Если женой будет она в жизни прекрасной,
Зачем ей говорить? Все знают женскую болтливость,
В семейной жизни, как везде, нет ничего ужасней,
Жена если не к месту проявляет говорливость».

Прошли два года. Сына родила ему супруга,
И мальчик маленький умён был и красив собою,
Но Гуй в семье скучал, они не слышали друг друга,
И недовольство с каждым днём росло его женою.

Гуй думал, что от немоты нужно найти лечение,
Решил заставить говорить её любой ценою,
Считал он, что спасти её поможет потрясенье,
Ему хотелось говорить так со своей женою.

Решил он откровенно её вызвать к разговору.
И как-то раз он разозлился и сказал ей прямо:
«Жил в древности Цзя, раз жена затеяла с ним ссору,
Не говорила, улыбалась и была упрямой.

Своим молчаньем так хотела выразить презренье,
И молча, забавляясь, от души над ним смеялась,
Не мог он в сердце вынести такого оскорбления.

Ударил он её, и с жизнью та своей рассталась.
Но я не столь жесток, чтоб на тебе так отыграться,
Пусть лучше уж наш сын поплатится за всё за это»!
Схватив ребёнка, стукнул им о камень парапета

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.